

Проблема «физического вреда» в теории международных отношений

М.А. Гаджиев

Министерство иностранных дел Российской Федерации

В статье делается аналитический обзор литературы по проблематике вреда в теории международных отношений, в результате чего эта проблематика была дополнена и расширена. Поставлена данная проблема была в работах критического теоретика Э. Линклейтера как вопрос о физическом вреде человеку в контексте государствоцентричной системы международных отношений. О. Митчелл вступила в дискуссию с Э. Линклейтером с позиций постгуманизма. С её точки зрения, вред следует оценивать не только и даже не столько с точки зрения человека, а с точки зрения всего мира, совокупности живой и неживой природы, включая человечество. А. Хосисон поставил под вопрос представление о природе причинно-следственных связей в теориях Э. Линклейтера и О. Митчелл. С его точки зрения, в сложных социальных системах, какой является система международных отношений, превалируют нелинейные причинно-следственные связи и множественная причинность. Кроме того, опираясь на философию критического реализма, А. Хосисон предположил, что причиной вреда могут быть не только акторы международных отношений, но и социальные структуры. Представленная проблематика достраивается в данной статье концепцией биополитики. Политическое управление биологическими аспектами жизни населения непосредственно связано с проблемой физического вреда в том смысле, что биополитика с одной стороны направлена на поддержание физического здоровья населения, с другой стороны в основе биополитики находится всё же политика, поэтому иногда она может развернуться против всех или части своего населения, как это случилось в нацистской Германии. Сегодня биополитика на глобальном уровне реализуется в программах развития ООН, в различных международных и транснациональных инициативах по содействию международному развитию, а также в глобальном управлении в сфере здравоохранения. Расширение проблематики вреда до биополитики возвращает нас к изначальной антропоцентричной модели вреда, предложенной Э. Линклейтером, тем не менее такой шаг позволяет анализировать не только причины вреда, но и подходы к его снижению.

Ключевые слова: антропоцентричная безопасность, биополитика, физический вред, постгуманизм.

УДК: 327.3

Поступила в редакцию: 11.05.2019 г.

Принята к публикации: 20.09.2019 г.

Демократизация мировой политики и международных отношений приводит к выходу на передний план вопросов, которые связаны с обществом и человеком (Лебедева 2019). Наиболее ярким примером такой трансформации является концепция «человеческой безопасности». Наряду с ней и не менее активно в последнее время в повестку дня современной мировой политики входит понятие «вреда» и «снижение вреда» как маркеры демократизации и либерализации (Hoseason 2018). При этом в самом слове «физический вред» не содержится ничего, что указывало бы по умолчанию на человека, как в случае с человеческой безопасностью. Пострадать физически может и государство. Если будет разрушена критическая инфраструктура государства, отторгнута часть его территории, сократится количество населения, будут уничтожены или разорены объекты его культурного наследия, вполне можно говорить о том, что государству был причинен физический вред. Тем не менее, благодаря работам Норберта Элиаса и Эндрю Линклейтера, словосочетание «снижение вреда» в научной литературе стало ассоциироваться с критической антропологией международных отношений и относиться именно к человеку, означать физический вред и физические страдания людей в результате насилия. Можно сказать, что «физический вред» является составной частью «человеческой безопасности». Он также неразрывно связан с понятием «биополитика», предложенным М. Фуко. Последняя направлена как раз на снижение физического (биологического) вреда, но не для отдельного индивида, а для общества в целом. Практическим и институциональным выражением биополитики на глобальном уровне, направленной на снижение вреда общественному здоровью населения земли, является глобальное управление в сфере здравоохранения.

Данная статья представляет собой обзор научной литературы по проблематике физического вреда в международных отношениях, цель статьи заключается в концептуальном уточнении рассматриваемого понятия. Достигается такое уточнение путём демонстрации логической связи между следующими понятиями: «физический вред», «биополитика», «глобальное управление в сфере здравоохранения».

С развитием международных отношений и расширением международной повестки дня меняется и представление о вреде. Если традиционным источником вреда были преимущественно военные конфликты между государствами, то сегодня такими источниками могут быть глобализация, капитализм, изменение климата, распространение инфекционных заболеваний, терроризм и т.д. (Hoseason 2018).

Концепция «вреда» носит во многом критическое содержание, т.к. переносит ценностный фокус с государства на человека. Объектом вреда является человек. Снижение вреда человеку провозглашается в качестве ключевого параметра оценки прогресса в международных отношениях.

В теории международных отношений изучение связи проблемы физического вреда и трансформации государствоцентричной природой системы между-

народных отношений предстаёт в двух вариантах: критическая историческая социология Линклейтера и постгуманистическая этика Митчелл.

В ключевой работе по данной проблематике «Проблема вреда в мировой политике» Э. Линклейтер (Linklater 2011) использовал социологию международного общества М. Уайта (английская школа) и социологию цивилизационного процесса Н. Элиаса (историческая социология) для исторического эмпирического анализа развития космополитических международных конвенций о запрете причинения физического вреда (против геноцида, о правилах ведения войны и т.д.). Точкой соприкосновения между ними является определение цивилизационного процесса, по Н. Элиасу, как процесса, при котором отношения между отдельными индивидами и народами организованы таким образом, что при удовлетворении своих основных потребностей они не причиняют друг другу вред. Э. Линклейтер вслед за многими либералами и конструктивистами уверен в наличии феномена социального обучения на макроуровне, которое со временем приведёт к тому, что генетическая предрасположенность людей к взаимному насилию будет поставлена под всё возрастающий контроль со стороны культуры. В этом и заключается глобальный процесс развития цивилизации – доминирование культуры над природными инстинктами.

Э. Линклейтер не хотел останавливаться на нормативных вопросах в изучении проблемы вреда в международных отношениях, его книга носит в значительной степени характер эмпирического исследования. Предметом такого анализа стали так называемые космополитические конвенции о запрете вреда. Автор делает принципиальное для него различие между международными и космополитическими конвенциями. Международные конвенции направлены на сокращение взаимного вреда между суверенными членами международного общества, т.е. между государствами. Космополитические конвенции подразумевают уменьшение вреда для людей. Ключевой вопрос – сможет ли международное общество перейти от международных к космополитическим конвенциям против вреда?

Э. Линклейтер отвечает, что не только сможет, но и делает это. Однако главным двигателем такой трансформации является не само международное общество, а процесс демократизации, который описывается в критической теории прежде всего как усиление роли гражданского общества в международных отношениях. Автор отмечает, что «на протяжении всей своей истории современное общество государств обычно сочетало равнодушие к правам человека с решительным противодействием гуманитарной интервенции. Демократизация западных обществ привела к необходимости параллельной трансформации глобальных конвенций о вреде, хотя, как показали недавние дебаты о вмешательстве, остаются сложные практические вопросы о взаимосвязи между национальным суверенитетом, гражданскими правами и «гуманитарной войной». Тот факт, что эти дебаты существуют вообще, свидетельствует об особой природе современного международного общества. Они указывают на то, что

беспрецедентные уровни глобальной взаимосвязанности стимулировали дискуссии о том, как далеко может зайти общество государств в институционализации космополитических принципов, отстаивающих равные права людей во всём мире» (Linklater 2011: 10).

Концепция «вреда» нашла своё дальнейшее развитие в постгуманистической интерпретации данной проблемы в работах О. Митчелл (Mitchell 2014), которая предложила термин «мундицид» (mundicide) – убийство мира, причинение вреда миру. В этом термине стирается принципиальная разница между человеком и окружающим его миром, декларируется отказ от антропоцентрического понимания вреда. В контексте современных дискуссий об антропоцене, изменении климата такой подход выглядит оправданным. С нормативной точки зрения, понятие «мундицид» обращает внимание на то, что необходимо избегать и снижать причинение вреда не только человеку, но и окружающему его миру в целом.

А. Хосисон, развивая проблематику вреда в теории международных отношений, представленную в работах Э. Линклейтера и О. Митчелл, предлагает проблематизировать вопрос причинности – кто или что причиняет вред человеку или миру (Hoseason 2018)? С его точки зрения, неправильно сводить источник причинности к непосредственно наблюдаемым процессам или явлениям, таким как войны, кризисы и т.п. Опираясь на философскую школу критического реализма, А. Хосисон предлагает в качестве причин вреда рассматривать социальные структуры, а также допускать многопричинность, опосредованную причинность при анализе вреда в международных отношений. Как в любой другой сложной системе, какой является система международных отношений, в ней преобладают нелинейные и комплексные причинно-следственные связи. Подход, предложенный А. Хосисоном, существенно расширяет проблематику вреда в теории международных отношений.

Может показаться, что А. Хосисон максимально расширил проблематику вреда и ничего нового по этой теме сказать уже невозможно. Э. Линклейтер поставил проблему вреда для человека в международных отношениях, О. Митчелл расширила её, включив в объект вреда помимо людей окружающую среду и мир в целом. А. Хосисон предложил учитывать при анализе вреда людям и миру комплексную и нелинейную причинность в международных отношениях. Однако, место для новизны остаётся всегда. Если вернуться к Э. Линклейтеру и под вредом понимать именно физический, телесный вред, это позволит связать проблематику вреда с темой биополитики (в терминологии М. Фуко), с темой целенаправленной политики государств по управлению и регулированию биологических характеристик населения: рождаемости, продолжительности жизни, по вопросам общественного здравоохранения, вакцинации и т.д. Неправильно было бы рассматривать политику только с точки зрения биологического вреда для человека, государство пытается поддерживать и биологическое здоровье населения. Естественно, что итогом этих попыток может быть и биологический

вред, потому что государство в биополитике руководствуется прежде всего политической целесообразностью. Наряду с вакцинацией и общественной санитарией, геноцид и евгеника также являются практиками биополитики.

Как полагал М. Фуко, биополитика зарождается «там и тогда, когда и где в социальной истории впервые появляется интерес к политическому использованию человеческого тела, где оно обособляется в роли индивидуализированного объекта надзора, тренировки, обучения и наказания»¹.

Согласно Фуко, власть функционирует с точки зрения сосуществования трёх видов управленческих практик: суверенитета, дисциплины и биополитики. Суверенитет – это первая историческая технология власти; дисциплина возникает позже и направлена на тело человека; биополитика – самая поздняя из трёх, её особенностью является то, что объект в этом случае не просто человек, а население в целом. Безопасность человека в ней отождествляется с безопасностью населения в целом, а, следовательно, и с безопасностью государства.

С одной стороны, безопасность в биополитике – это стремление к качеству жизни населения: увеличение продолжительности жизни, борьба с заболеваниями, сохранение и улучшение генофонда и т.д. С другой стороны, осознанное формирование потребностей человека как биологического существа даёт возможность современным механизмам безопасности глубоко проникать в самого человека и контролировать его изнутри, имитируя при этом самоконтроль².

При этом в биополитике нет единого центра власти, она не связана с государственной властью. «Обыкновенно мы придаём государственной власти особую значимость, – пишет М. Фуко. И многие полагают, что другие формы власти проистекают из неё. Однако я думаю, что даже если и рано говорить, что государственная власть проистекает из других видов власти, то, по крайней мере, она на них основана и как раз они позволяют государственной власти существовать. Как же можно заявлять, что вся совокупность властных отношений, существующих между двумя полами, между детьми и взрослыми, в семье, на работе, между больными и людьми в добром здравии, между нормальными и ненормальными проистекает из государственной власти? Если мы хотим изменить государственную власть, нужно перестроить те разнообразные отношения власти, которые действуют внутри общества»³.

Биовластные отношения, по мнению М. Фуко, незаметно проникают в социальную ткань общества, конструируют все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе семейные отношения, проблемы здоровья и воспитания. Характерной особенностью биополитической власти является то, что она дей-

¹ Подорога В.А. 1989. Власть и познание (археологические поиски М.Фуко). *Власть*. Москва. С. 223.

² Мартынов М.Ю. *Дисциплинарная власть и проблема объективации индивида*. URL: www.rusnauka.com/PRNIT_2006/Politologia/17271.rtf.htm (дата обращения: 10.06.2019)

³ Фуко М. *Дисциплинарное общество в кризисе*. Лекция во франко-японском институте Кансай в Киото 18 апреля 1978 года. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Fuko_intel_power/Fuko_16.php

ствуется не через запрет или ограничения, она содействует формированию соответствующих представлений у людей об обществе, о том, как нужно жить, что нужно есть, какие продукты использовать, как заботиться о своём здоровье (Фуко 1996: 118).

Биовласть – это «не институт, не структура и даже не могущество, которым наделены некоторые: это название, которым обозначают сложную стратегическую ситуацию данного общества» (Фуко 1996: 123). Под властью в биополитике следует понимать некие силы, которые присутствуют во всех областях человеческой жизни, с его рождения и до его смерти, формируя все области жизнедеятельности индивида. Власть везде, но при этом она анонимна.

Одной из важных задач биополитики является формирование механизмов безопасности населения. Ранее безопасность человека обеспечивалась за счёт исключения отдельных индивидов (изоляция больных, тюремный срок для преступников и т.п.), то в эру биополитикотехники безопасности направляются на всё население в целом (иммунизация, профилактика, демографический контроль и т.п.).

Другими словами, современная биополитика разворачивается и развивается на двух полюсах, связанных друг с другом. «Один из этих полюсов... центрирован вокруг тела, понимаемого как машина: его дрессура, увеличение его способностей, выкачивание его сил, параллельный рост его полезности и его покорности, его включение в эффективные и экономичные системы контроля всё это обеспечивается процедурами власти, которые составляют характерную особенность дисциплин тела. Второй центрируется... вокруг тела, которое пронизано механикой живого и служит опорой для биологических процессов: размножения, рождаемости и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни, долголетия... попечение о них осуществляется посредством целой серии вмешательств и регулирующих способов контроля – настоящая биополитика народонаселения. Дисциплины тела и способы регулирования населения образуют те два полюса, вокруг которых развернулась организация власти над жизнью» (Фуко 1996: 293).

Биополитика использует такие знания о человеке, как клиническая медицина, анатомия, демография, генетика, санитария. Причём «управление телами», как уже было сказано ранее, не подразумевает собой формы насилия. Наоборот, биополитика внешне нацелена на усовершенствование жизни, условий проживания населения, увеличение продолжительности жизни человека. С момента появления на свет человек попадает под действие биополитики: сдача анализов, замеры роста и веса, оценки состояния здоровья, всё это указывает на то, что является «нормой» для этого человека и в каком направлении он будет развиваться в будущем. «Иерархический надзор, непрерывная запись и регистрация, вечная оценка и классификация» (Фуко 1999: 323) являются средствами наблюдения за развитием индивида и помогают выявить разные характеристики его индивидуальности.

М. Хардт и А. Негри, которые также изучают современный режим биовласти, считают, что он «возвышается над социумом как суверенная сила, превосходящая всякое бытие и навязывающая ему свой порядок» (Хардт, Негри 2004: 12). Нынешняя власть, по мнению этих учёных, представляет собой совершенно иной уровень управления, ранее это были принудительные и дисциплинарные практики, а сейчас биополитика. Они также утверждают, что биополитика помогает власти поддерживать свой порядок путём распространения господства через тела и души граждан, то есть через тотальный социальный самоконтроль.

Расширение возможностей и увеличение стратегий биовласти и биополитического производства стало альтернативой дисциплинарным практикам (Хардт, Негри 2006: 201), в которых «власть выражает себя как контроль, полностью охватывающий тела и сознание людей и одновременно распространяющийся на всю совокупность социальных отношений» (Хардт, Негри 2004: 37). Понятия «биовласть» и «биополитическое производство» являются центральными инструментами нового либерального порядка, которые формируют удобных в управлении индивидов. Дисциплинарные практики можно полностью заменить техниками биовласти, если сформировать у людей определённое отношение к себе, своему здоровью, привить им необходимое восприятие жизни и её правил. Эта власть, по мнению М. Хардта и А. Негри, может также успешно выполнять все функции управления населением, которые раньше выполняло государство. В условиях глобальной биополитики «механизмы принуждения становятся ещё более "демократическими", ещё более имманентными социальному полю» (там же: 36). М. Хардт и А. Негри соглашаются с Фуко и признают, что «контроль общества над индивидами осуществляется не только через сознание или идеологию, но и в теле, и вместе с телом. Для капиталистического общества важнее всего биополитическое, биологическое, соматическое, телесное измерения» (Фуко 2005: 188).

М. Хардт и А. Негри считают, что современные социальные институты, к примеру, семья, школа, учреждения здравоохранения, пребывают в кризисе. Исчезновение этих институтов приводит к возникновению общества контроля. Теперь власть, по мнению исследователей, осуществляется с помощью инструментов биополитического контроля. «Биовласть – это другое имя реального подчинения общества капиталу, а также синоним глобализованного порядка производства» (Хардт, Негри 2004: 306).

Жиль Делёз написал статью под названием «Общество контроля», в которой также утверждал о переходе к обществу такого типа: «Повсюду мы фиксируем кризис пространств заключения разного типа, кризис пенитенциарной системы, кризис медицины, кризис производства, кризис школы и семьи. Семья подвержена тому же кризису, как и все остальные "внутренние" пространства, организованные по модели "пространств заключения". Администрации разных уровней постоянно провозглашали необходимость реформ: образовательных реформ, промышленных, медицинских, пенитенциарных и военных. Но каж-

дый уже знает, что все эти институты обречены, как бы долго, ни продлилась их предсмертная агония»⁴.

Контроль становится повсеместным, поскольку оказывается эффективным и привлекательным для общества. Гораздо более привлекательно для человека предложить ему самому контролировать себя и свое тело, чтобы соответствовать новым представлениям о здоровье и красоте. Ж. Делёз приводит в пример необычные фармацевтические продукты, молекулярную инженерию, пластическую хирургию и манипуляции с генами, которые благодаря различным способам удачно и эффективно навязываются людям в качестве нового, нормального представления о здоровье и красоте. Ж. Делёз утверждает, что в «обществах контроля» существуют тонкие управленческие практики, которые основываются на современных достижениях в технологической области, искусстве коммуникаций и в сфере биотехнологий.

Современный итальянский философ Дж. Агамбен разработал самую пессимистичную концепцию биовласти. Он изучает биполитическую роль суверена и приходит к выводу, что заключается она в возможности и легитимном праве лишить того или иного человека или группу лиц социальных аспектов жизни (древние греки называли этот аспект жизни «биос») и оставить лишь биологическую, голую жизнь, лишённую каких-либо гражданских или политических прав (древние греки называли этот аспект жизни «зое»). Голой жизнью обладает любое животное, политическая жизнь встречается только у человека.⁵ Суверен, по мнению Агамбена, это тот, кто единственно может отделить «биос» от «зое». Исследователь приводит в пример обращение с заключёнными в концлагерях, с «врагами народа» во времена сталинских репрессий и с заключёнными на военной базе «Гуантанамо». Из этого следует, что суверенная биовласть осуществляет управление вне самой идеи права, в состоянии чрезвычайного положения, которое в рамках либеральной системы координат стало естественным состоянием, ежедневной рутинной. В своей работе Дж. Агамбен пишет: «суверенная власть традиционной политики, которая выражалась в древнем праве казнить и миловать, уступила место новому праву современного научного государства, имеющего власть и средства “заставлять жить и давать умереть” (Agamben 2005: 95).

Дж. Агамбен отмечает радикальную трансформацию власти в прошлом веке, он полагает, что в нацистских лагерях зародилась самая скрытая, но при этом и самая основная функция биополитики. Она заключается в том, чтобы сделать из индивидов исключительно биополитическую субстанцию. Лагерь не только занимался уничтожением индивидов, но и, в первую

⁴ Делёз Ж. Общество контроля. *Элементы*. №9. Москва. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=547> (дата обращения: 10.06.2019 г.)

⁵ Хотя современные этологи убедительно доказывают, что среди высших приматов также распространены политические формы взаимодействия.

очередь, занималась формированием примитивной биологической массы. «Биовласть старалась произвести свой окончательный секрет; выживание, отделённое от любой возможности рассказа о нём, некая абсолютная политическая субстанция, которая, будучи изолированной, позволяет наделение человека демографической, этической, национальной и политической идентичностью» (Agamben 1998: 28).

Таким образом, биовласть создает условия для человека, где он не видит различий между жизнью и смертью, что делает его живым мертвецом или носителем «голой» жизни, Дж. Агамбен назвал это явление *Homo Sacer* (Agamben 1998: 29).

С. Жижек согласен с Дж. Агамбеном, он пишет, что «на самом элементарном уровне все мы являемся исключёнными... в смысле нашего «нулевого» положения как объектов «биополитики», и что возможные политические и гражданские права даруются нам вторичным жестом в соответствии со стратегическими биополитическими соображениями» (Жижек 2002: 39). С. Жижек отмечает, что наивысшим выражением обманчивой маски дисциплинарных механизмов «биовласти» стали как раз концентрационные лагеря.

Дж. Агамбен описывает каким способом в современном мире возможно исключить индивидов из правового пространства, который всё чаще применяется суверенной властью. Это режим чрезвычайного положения, которое распространено и используется во всём мире. «Нормативный аспект права может быть безнаказанно обесценен; наперекор ему может выступить власть правительства, которая за границей игнорирует международное право, во внутренней политике вводит перманентное чрезвычайное положение, а потом делает вид, что всё ещё использует право» (Agamben 2005: 105). В итоге, согласно теории Дж. Агамбена, современная биополитика размывает границы политического и биологического, а само понимание жизни часто является просто «голой жизнью». В качестве вывода Дж. Агамбен заключает, что сегодня жизнь и смерть становятся политическими понятиями.

Власть над жизнью в теории биополитики происходит в двух плоскостях: с одной стороны, это манипулирование телом (управление, контроль, использование методик обучения, воспитания и дисциплинарные воздействия); а с другой стороны – это контроль над характеристиками индивида в обществе (рождаемостью, смертностью, здоровьем и т.д.) (Сокулер 2001).

Одной из основных задач биополитики является управление населением с точки зрения контроля над биологическим воспроизводством, сюда же сводят вопросы по здоровью и воспитанию человека. По мнению некоторых учёных, которые изучают область биополитики, уже существует система мероприятий для контроля за размножением людей (институты родовспоможения, центры планирования семьи и медико-генетические консультации). Также созданы институты, контролирующие смертность, здоровье, состояние окружающей среды и др. Всё это указывает на биологический потенциал по-

литики и возможность политического воздействия на «биологическое начало» человека⁶.

Биовласть формирует индивидуальное самочувствие и самосознание людей, предлагает долголетие и защиту от патогенных влияний. Современные биотехнологии и классические методы врачевания, клонирование, трансплантология, экстракорпоральное оплодотворение, уже, можно сказать, являются частью программы биотехнологической «модернизации», что, по мнению исследователей, формирует новую повестку дискуссии по проблемам безопасности человека⁷.

Безопасность страны во многом строится на здоровье её граждан и состоянии среды их обитания. Человек, будучи биологическим видом, может существовать лишь при определённых параметрах и в особых условиях. Поэтому будущее не только населения одной стран, но и всего человечества зависит от сохранения условий, пригодных для жизни. Конференция ООН по окружающей среде и развитию, состоявшаяся в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г., стала своеобразным толчком международной деятельности в области обеспечения биополитической безопасности.

Медицина с точки зрения биополитики в современном мире и в век развития биотехнологий предназначена не только исцелять, но и пропагандировать, внушать идеи о здоровом обществе, быть инструментом контроля над человеческим телом и механизмом навязывания правильных представлений о параметрах жизни – то есть по факту медицина выполняет принудительные и дисциплинарные функции.

Сегодня в сфере безопасности существует несколько видов биополитических рисков. Первое – это внутренние риски. Они связаны с особенностями действующего законодательства, системой организации органов власти, которые отвечают за разработку и реализацию политики в социально-экономической сфере. Опять же в этом ряду стоит выделить область медицины. К внешним рискам относятся общеэкономические ситуации, а также риски, связанные с бионасилием и био-терроризмом.

Принятые мировым сообществом два основополагающих базисных правовых документа, регламентирующие процесс создания режима биобезопасности (Конвенция о запрещении биологического (токсичного) оружия (1972 г.) и Конвенция о биологическом разнообразии (1992 г.)), должны были уменьшить уровень биоопасности. Однако на практике всё ещё не достаточно эффективных мер защиты, и человек остается незащищённым от подобных угроз.

⁶ Олескин А.В. Перспективы биополитики с точки зрения политической философии, политической науки и практической политики. *Биополитика*. URL: <http://biopolitika.ru/publ/1-1-0-20> (дата обращения: 10.06.2019 г.)

⁷ Тищенко П.Д. *Биовласть в эпоху биотехнологий*. Библиотека РГГУ. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/tichenko_bio (дата обращения: 10.06.2019 г.)

Другая проблема в сфере безопасности человека связана с ростом распространения инфекционных заболеваний среди населения и ухудшением демографической ситуации в мире. Сегодня наблюдается новая волна, казалось, уже искоренённых инфекционных болезней. Кроме того, в настоящее время чётко обозначается рост числа так называемых эмерджентных инфекционных заболеваний, перед которыми даже современная медицина бессильна⁸.

Ещё одной серьёзной проблемой в сфере безопасности человека является угроза распространения искусственно модифицированных организмов и возросшие риски совершения биопреступлений. Конечно, потенциальные возможности современных биотехнологий, если неограничены, что уж точно впечатляюще. Они могут быть использованы в создании высокотехнологичных медицинских препаратов, в пищевых продуктах, в биоудобрениях, в различных препаратах, поддерживающих природоохранные меры, в добыче минерального сырья и в получении новых материалов и производстве возобновляемых источников энергии. Однако при этом следует помнить, что биотехнологическое производство может угрожать здоровью человека и экосистеме. Несмотря на все гарантии и заверения в безопасности биотехнологий, невозможно быть абсолютно уверенным или даже достичь такого уровня безопасности. Утечка опасных биологических материалов при аварии или его использование в биопреступлении вследствие кражи может привести к биолого-социальной катастрофе.

Но прежде всего самая большая потенциальная угроза безопасности человека в этой связи связана с желанием террористов использовать природные или искусственно созданные биологические агенты для поражения людей и других живых существ.

При политической недооценке важности решения проблем биобезопасности существуют риски, связанные со следующими дестабилизирующими факторами:

- ухудшение экологической ситуации;
- ослабление централизованной государственной системы обеспечения биобезопасности;
- сокращение фундаментальных и прикладных биологических исследований;
- увеличение отставания от мирового уровня в темпах развития научного и промышленного секторов обеспечения биобезопасности.

Ключевым современным автором по теме биополитической безопасности в мировой политике является М. Диллон (Dillon 2008). Если Фуко задавался вопросом, что произойдёт, когда референтным объектом безопасности становится биологическая жизнь человека, то М. Диллон задается вопросом, что произойдёт, если при всём при этом эта форма жизни сегодня фундаментально

⁸ Евстигнеев В.И. 2003. Проблемы обеспечения биологической безопасности России. *Проблемы биологической безопасности РФ*. Сборник докладов 1 Российского симпозиума по биологической безопасности. Москва.

трансформируется. Он насчитал три таких трансформации: «Первая – демографическая и касается населения. Вторая – молекулярная и относится к органической жизни. Третья – цифровая и касается механической и виртуальной жизни» (Там же: 269). Демографическая трансформация связана в данном случае с так называемым «сжатием заболеваемости». Речь идёт о том, что болезни и смерть среди западных обществ перестали быть результатом заражения инфекциями, а рассматриваются теперь как функция факторов риска, являющихся неотъемлемой частью самого способа существования этих обществ. Прогресс в молекулярной биологии ставит под вопрос наше понимание жизни как таковой. Возникает феномен «плюрипотентной жизни», когда с помощью стволовых клеток, генной инженерии и т.п. мы можем настраивать и подстраивать биологическую жизнь под свои нужды.

Как видно разработка механизмов биополитического контроля может быть очень эффективной в идеальных условиях и может обеспечить не только анонимный и скрытый контроль, но и служить гарантией того, что население в лице множества индивидов будет существовать в заложенных и сформированных в сознании нормах. Такой контроль осуществляется не через изоляцию, а путём постоянного контроля над телом человека и использования современных биотехнологий. Однако такой путь может привести к непоправимым последствиям, и связано это как раз во многом с использованием именно биотехнологий.

Состояние биологической жизни человека и населения в официальном политическом дискурсе непосредственно связаны с вопросами международного развития, а содействие международному развитию с биополитикой как инструментом управления биологической жизнью населения в международном масштабе. При этом следует отметить, что проблематика международного развития существенно шире проблематики биополитики, т.к. включает в себя не только различные общественные аспекты биологической жизни, такие как смертность от излечимых заболеваний, младенческая и материнская смертность, доступ к питьевой воде и здоровой пище, но и социальные аспекты развития, такие как всеобщее начальное образование, защита труда, защита окружающей среды и т.д.

Примером биополитики на глобальном уровне является программа Цели развития тысячелетия ООН, которая завершилась в 2015 г. Программа включала в себя следующие восемь целей:

1. ликвидация нищеты и голода,
2. обеспечение всеобщего начального образования,
3. поощрение равенства мужчин и женщин и расширение прав и возможностей женщин,
4. сокращение детской смертности,
5. улучшение охраны материнства,
6. борьба с ВИЧ/СПИДом, малярией и другими заболеваниями,
7. обеспечение устойчивого развития окружающей среды,
8. формирование глобального партнёрства в целях развития.

Половина этих целей, а именно 1, 4, 5 и 6 носят биополитический характер. В докладе от 2015 г. о результатах реализации данной программы отмечается, что во всём мире число людей, живущих в условиях крайней нищеты, сократилось более чем наполовину – с 1,9 млрд чел. в 1990 г. до 836 млн чел. в 2015 г. Число людей, принадлежащих к работающему среднему классу – живущих на более чем четыре доллара в день – практически утроилось в период с 1991 г. по 2015 г. Доля недоедающих людей в развивающихся странах сократилась почти наполовину. Благодаря усилиям по реализации ЦРТ 2,6 млрд чел. получили доступ к источникам чистой питьевой воды, а у многих девочек появилась возможность учиться. Значительных успехов удалось добиться в деле сокращения материнской и детской смертности, в борьбе с ВИЧ, малярией и другими заболеваниями. Согласно докладу, с 1991 г. коэффициент материнской смертности во всём мире сократился на 45%. В период с 2000 по 2013 гг. число новых случаев ВИЧ-инфицирования сократилось примерно на 40% – с 3,5 млн до 2,1 млн человек. В период с 2000 по 2014 гг. объёмы официальной помощи в целях развития выросли на 66% и достигли 135,2 млрд долл. США.

На примере биополитики мы можем наблюдать, что при выходе на наднациональный и транснациональный уровни она утрачивает свой этатизм, ведущая роль, роль суверена переходит международным организациям и другим негосударственным структурам. Формируется глобальное управление здравоохранением.

Глобальное управление здравоохранением (*global health governance*) является системой координации различных усилий на всех уровнях мировой политики по решению глобальных проблем здравоохранения. Все эти проблемы можно разделить на три смежные комплекса: 1) инфекционные заболевания, заболевания от недостатка питания, заболевания репродуктивной системы; 2) передающиеся болезни и связанные с ними факторы риска, такие как курение и ожирение; и 3) проблемы общественного здоровья, связанные с глобализацией – изменение климата и международная торговая политика.

Существует множество рабочих определений глобального управления здравоохранением (Dodgson, Lee, Drager 2017). Некоторые из них подчёркивают определённые типы проблем со здоровьем (например, инфекционные заболевания), тогда как другие подчёркивают определённые группы интересов (например, бедные), некоторые фокусируются на определённой географической или политической области (например, на глобальном Юге). Глобальное здравоохранение охватывает все эти аспекты, но каждый из них изолированно предлагает лишь частичную перспективу. На наш взгляд, глобальное здравоохранение должно определяться двумя ключевыми элементами: уровнем анализа, который охватывает всё население мира, и взаимозависимостью, которая связывает людей между собой, формируя глобальное население. Анализ здоровья этого населения определяется характеристиками условий (например, распространённость тех или иных болезней и других факторов риска), в которых оно прожи-

вает, и тем, как оно реагирует на эти условия. В принципе, с помощью такого подхода можно изучать управление здравоохранением на любом уровне анализа, не только глобальном.

Глобализация привела к транснационализации угроз здоровью. Причём это не только инфекционные заболевания, но и распространение вредных для здоровья пищевых привычек, образа жизни и т.д. Реагировать на данные транснациональные вызовы здравоохранению необходимо на соответствующем уровне, в том числе и на глобальном.

В результате реакции на возникновение данных угроз сформировалась соответствующая система (См. табл. 1).

Таблица 1. Система глобального управления здравоохранением
Table 1. Global Health Governance System

Национальные правительства (Frenk, Moon 2013)
Министерства здравоохранения
Министерства иностранных дел
Общественные исследовательские фонды
Система Организации Объединённых Наций
Всемирная организация здравоохранения
Детский фонд Организации Объединённых Наций
Фонд Организации Объединённых Наций в области народонаселения
Объединённая программа Организации Объединённых Наций по ВИЧ / СПИДу
Многосторонние банки развития
Всемирный банк
Региональные банки развития
Глобальные инициативы в области здравоохранения (гибридные структуры)
Глобальный фонд для борьбы со СПИДом, туберкулезом и малярией
Альянс ГАВИ (Глобальный альянс по вакцинам и иммунизации)
<i>UNITAID</i>
Филантропические организации
Фонд Билла и Мелинды Гейтс (глобальное здравоохранение)
Фонд Рокфеллера
<i>Wellcome Trust</i>
Глобальные организации гражданского общества и неправительственные организации
Врачи без границ (<i>Médecinssans Frontières</i>)
<i>Oxfam International</i>
<i>CARE International</i>
Частные производители
Фармацевтические компании (мировой рынок)
Профессиональные ассоциации
Всемирная медицинская ассоциация
Академические учреждения
Образовательные учреждения для медицинских работников

В деятельности глобальной системы здравоохранения можно выделить четыре основные функции и связанные с ними четыре подфункции (См. табл. 2).

Таблица 2. Четыре основных функции и их подфункции глобальной системы здравоохранения

Table 2. Four main functions and their subfunctions of the global health governance system

Функция	Подфункция
Производство глобальных общественных благ	Исследования и разработки, разработка стандартов и руководящих принципов
Управление и распределение экстерналий между государствами	Эпидемиологический надзор и обмен информацией, а также координация государств для обеспечения готовности к реагированию
Мобилизация глобальной солидарности	Финансирование развития, техническое сотрудничество, гуманитарная помощь и содействие обездоленным
Управление взаимодействием (<i>stewardship</i>)	Организация международных переговоров и формирования консенсуса, установления приоритетов, установления правил, оценка взаимной подотчетности и пропаганда здорового образа жизни

У глобального управления общественным здоровьем имеется ряд существенных барьеров.

Основной и самый главный барьер – это Вестфальская политическая модель мира, основанная на примате суверенитета как высшей ценности. В мире суверенных национальных государств общественное здоровье является в первую очередь ответственностью национального правительства. Однако, растущая транснационализация рисков общественному здоровью означает, что факторы, определяющие здоровье нации, всё больше выходят за государственные границы и пределы контроля национальных правительств. В отсутствие мирового правительства возникает очевидное напряжение между реальностью национального суверенитета и императивом международных коллективных действий для надлежащего управления взаимозависимостью в сфере здравоохранения. Принцип суверенитета зачастую выступает препятствием для транснациональной координации, эффективного международного нормотворчества и контроля за выполнением соответствующих норм и правил. Учитывая крайне неравномерное распределение рисков для здоровья, наличие противоположных интересов различных участников, различие культур и исторического пути, а также быстро меняющееся распределение власти между странами в мировой политике, эти задачи становятся ещё труднее для решения. В контексте углубления глобальной взаимозависимости в области здравоохранения задачи глобального управления обостряются, при этом государствам становится всё труднее согласовывать свои решения, обязательства, права и обязанности.

Вторым важным препятствием глобального управления в сфере здравоохранения является проблема подотчётности в мировой политике. В отличие от внутригосударственной сферы, где правительство в идеале подотчётно своему электорату, а, следовательно, реализуется демократическая подотчётность – на принимаемые решения могут повлиять те, на кого эти решения оказывают непосредственное влияние. В мировой политике такая подотчётность невозможна, главным образом потому что глобальное гражданское общества пока не обладает субъектностью с точки зрения мирополитической акторности. Глобальное гражданское общество состоит из очень разнообразных групп интересов и акторов. Их объединяет только то, что они напрямую не связаны с государственными структурами и с бизнесом.

Однако перед лицом действительно серьёзных вызовов глобальное управление здравоохранением может преодолевать указанные выше препятствия, что, например, ярко проявилось при вспышке атипичной пневмонии (ТОРС) в начале 2000-х гг. и ярко описано Э. Цукерманом (Цукерман 2015).

Атипичная пневмония является крайне заразным заболеванием, распространяющимся респираторно, а инкубационный период может проходить до десяти дней без каких-либо явных симптомов. И примерно в одном из десяти случаев болезнь приводит к летальному исходу. Во время вспышки 2002–2003 гг. инфекция распространялась так быстро, что поначалу даже спровоцировала новый виток теории заговора. В итоге ТОРС распространился по 32 странам на всех континентах, за исключением Антарктиды, однако пострадало от него лишь 8 422 человека. И хотя распространение вируса с ноября 2002 г. по март 2003 г. шло по экспоненте, к июлю 2003 г. ВОЗ смогла уверенно заявить о подавлении эпидемии. Самым замечательным в истории с атипичной пневмонией стала не скорость её распространения, но то, как быстро её удалось остановить.

Сравнение статистики по ТОРС с более ранней эпидемией испанского гриппа даёт удивительные результаты. С 1918 г. по 1920 г. треть населения мира, примерно полмиллиарда человек, заразилась смертельной формой гриппа, унёсшей около 50 млн жизней⁹. При этом «испанка» считается менее опасной, нежели атипичная пневмония. Смертность от «испанки» достигала 2,5 %, а от атипичной пневмонии умерло 9,6 % заражённых, и особую опасность она представляла для пожилых людей, смертность среди которых достигала более 50 %. «Испанка», как и ТОРС, охватила почти весь мир. При этом носители вируса «испанки» передвигались по миру на пароходах и поездах, а не на трансатлантических авиарейсах. Остановить её распространение стало возможным во многом благодаря эффективному функционированию системы глобального управления в сфере здравоохранения, которой не было в начале XX в.

⁹ Taubenberger J., Morens D. 2006. 1918 Influenza: The Mother of All Pandemics. *Emerging Infectious Diseases*. 2006. URL: http://wwwnc.cdc.gov/eid/article/12/1/05-0979_article.htm (дата обращения: 10.06.2019 г.)

Таким образом, в результате проведённого обзора литературы по проблеме вреда в теории международных отношений она была дополнена и расширена. Поставлена данная проблема была критическим теоретиком Э. Линклейтором как вопрос о физическом вреде человеку в контексте государствоцентричной системы международных отношений. О. Митчелл вступила в дискуссию с Э. Линклейтором с позиций постгуманизма. С её точки зрения, вред наносится не только и даже не столько человеку, а всему миру в целом. А. Хосисон поставил под вопрос представление о природе причинно-следственных связей в теориях Линклейтера и Митчелл. С его точки зрения, в сложных социальных системах, какой является система международных отношений, превалируют нелинейные причинно-следственные связи и множественная причинность. Кроме того, опираясь на философию критического реализма, А. Хосисон предположил, что причиной вреда могут быть не только акторы международных отношений, но и социальные структуры. Мы достроили данную смысловую последовательность концепцией биополитики. Политическое управление биологическими аспектами жизни населения непосредственно связано с проблемой физического вреда в том смысле, что биополитика с одной стороны направлена на поддержание общественного здоровья, с другой стороны в основе биополитики находится всё же политика, поэтому иногда она может развернуться против всех или части своего населения, как это случилось в нацистской Германии. Сегодня биополитика на глобальном уровне реализуется в программах развития ООН, в содействии международному развитию, а также в глобальном управлении в сфере здравоохранения. Расширение проблематики вреда до биополитики возвращает нас к изначальной антропоцентричной модели вреда, предложенной Э. Линклейтором, тем не менее такой шаг позволяет анализировать не только причины вреда, но и подходы к его снижению.

Об авторе:

Гаджиев Муса Абдусамадович – атташе посольства Российской Федерации в Республике Камерун. Quartier Bastos, Boulevard de l'URSS, P.O. Box 488, Yaounde, Cameroun. E-mail: Mussa91@mail.ru.

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Received: 11.05.2019

Accepted: 20.09.2019

The Problem of “Harm” in the Theory of International Relations

M.A. Gadzhiev

DOI 10.24833/2071-8160-2019-5-68-24-43

Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract: The article provides an analytical review of the literature on the issue of harm in the theory of international relations, as a result of which this issue has been supplemented and expanded. The issue has initially been posed by Andrew Linklater as a question of physical harm to humans in the context of a state-centered international system. Audra Mitchell entered into a discussion with A. Linklater from the standpoint of post-humanism. From her point of view, harm should be evaluated not only and not so much from the human point of view, but from the perspective the whole world, the totality of animate and inanimate nature, including humanity. Alex Hoseason called into question the nature of causal relations in the theories of A. Linklater and A. Mitchell. From his point of view, in complex social systems, such as international system, non-linear causal relationships and multiple causality prevail. In addition, based on the philosophy of critical realism, Alex Hoseason suggested that not only actors in international relations, but also social structures can cause harm. This narrative is further developed by problematique of biopolitics. Political governance of biological aspects of the life of the population is directly related to the problem of physical harm in the sense that biopolitics, on the one hand, is aimed at maintaining the physical health of the population, on the other hand, politics is still at the core of biopolitics, so sometimes it can turn against all or part of its population as happened in Nazi Germany. Today, biopolitics at the global level is implemented in the UN development programs, in various international and transnational initiatives to promote international development, as well as in global health governance. Expanding the problematique of harm to biopolitics brings us back to the original anthropocentric model of harm proposed by A. Linklater, nevertheless, this step allows us to analyze not only the causes of harm, but also approaches to reducing it.

Key words: anthropocentric security, biopolitics, physical harm, posthumanism.

About the author:

Gadzhiev Musa Abdusamadovich – attaché of the embassy of the Russian Federation in the Republic of Cameroon. Quartier Bastos, Boulevard de l'URSS, P.O. Box 488, Yaounde, Cameroun. E-mail: Mussa91@mail.ru.

Conflict of interests:

The author declares absence of conflict of interests.

References:

Agamben G. 1998. *Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life*. Stanford: Stanford University Press.

Agamben G. 2005. *State of Exception*. The University of Chicago Press.

Dillon M., Lobo-Guerrero L. 2008. Biopolitics of Security in the 21st Century: an Introduction. *Review of International Studies*. No. 34. P. 265-292.

Dodgson R., Lee K., Drager N. 2017. Global Health Governance, a conceptual review. *Global Health*. Routledge. P. 439-461.

Frenk J., Moon S. 2013. Governance Challenges in Global Health. *The new England journal of medicine*. No. 368. P. 936-942.

Hoseason A. 2018. Between Philosophy and Social Science: Harm and its Object in International Relations. *Review of International Studies*. 44.4. P. 717-737.

Linklater A. 2011. *The Problem of Harm in World Politics: Theoretical Investigations*. Cambridge University Press.

Mitchell Au. 2014. Only Human? A Worldly Approach to Security. *Security Dialogue*. 45(1). P. 5-21.

Deleuze J. 2000. Obshchestvo kontrolya [Control Society]. *Elements*. No. 9. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=547> (accessed 10.06.2019)

Zizek S. 2002. *Dobro pozhalovat' v Pustynyu Real'nogo* [Welcome to the Desert of the Real]. Moscow: Pragmatics of Culture Foundation.

Lebedeva M.M. 2019. [Modern megatrends of world politics]. *World Economy and International Relations*. 63(9). P. 29-37.

Sokuler Z.A. 2001. *Znaniye i vlast': nauka v obshchestve moderna* [Knowledge and Power: Science in Society is Modern]. Saint-Petersburg: RKHGI. P. 58-82.

Foucault M. 1996. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow: Castal.

Foucault M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat': Rozhdeniye tyur'my* [Oversee and Punish: The Birth of a Prison]. Moscow: Ad Marginem.

Foucault M. 2005. *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskiye stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews]. Part 2. Moscow: Praxis.

Hardt M., Negri A. 2004. *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis.

Hardt M., Negri A. 2006. *Mnozhestvo: voyna i demokratiya v epokhu imperii* [Multitude: War and Democracy in the Age of Empire]. Moscow: Cultural Revolution.

Zuckerman E. 2015. *Novyye soyedineniya. Tsifrovyye kosmopolitiiy v kommunikativnuyu epokhu* [New Compounds. Digital Cosmopolitanism in the Communicative Era]. Moscow: Ad Marginem Press.

Литература на русском языке:

Делёз Ж. 2000. Общество контроля. *Элементы*. № 9. URL: <http://arcto.ru/modules.php?name=News&file=article&sid=547> (дата обращения: 10.06.2019 г.)

Жижек С. 2002. *Добро пожаловать в Пустыню Реального*. Москва. Фонд «Прагматика культуры».

Лебедева М.М. 2019. Современные мегатренды мировой политики. *Мировая экономика и международные отношения*. 63(9). С. 29-37.

Сокулер З.А. 2001. *Знание и власть: наука в обществе модерна*. Санкт-Петербург. РХГИ. С. 58-82.

Фуко М. 1996. *Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности*. Москва. Касталь.

Фуко М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. Москва. Ad Marginem.

Фуко М. 2005. *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*. Часть 2. Москва. Праксис.

Хардт М., Негри А. 2004. *Империя*. Москва. Праксис.

Хардт М., Негри А. 2006. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. Москва. Культурная революция.

Цукерман Э. 2015. *Новые соединения. Цифровые космополитии в коммуникативную эпоху*. Москва. Ад Маргинем Пресс.